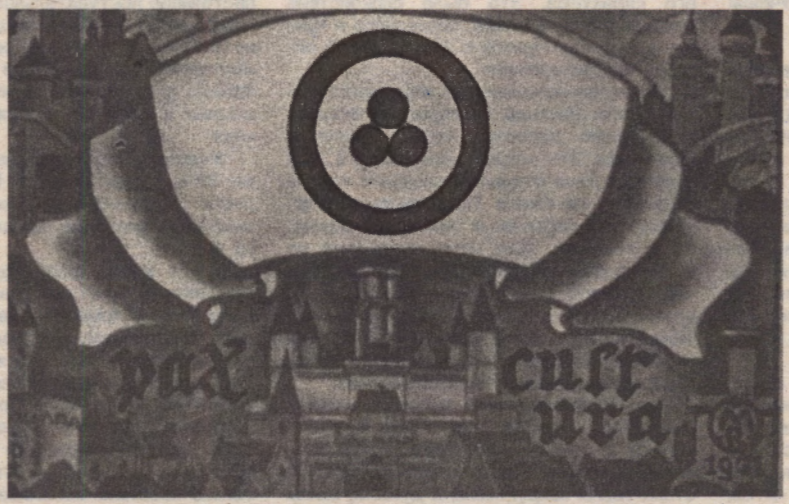
Ибо Хочу, чтобы могли подойти ко Мне радостными и светлыми в день Великого Мрака перед Восходом
Листы сада М. кн. 1

ПЕРЕД ВОСХОДОМ

Издание Сибирского Рериховского Общества. №1(6), 1994 г.

Знамя Мира – Знамя Света

В письме в Америку от 9 мая 1945 года Е.И. Рерих писала: «Пишу в дни ПОБЕДЫ. Сколько счастья, но и горя! ...закончилась еще одна страница истории. Новая начнется трудно, сложен узор, но пусть будет радостно тем, кто готов на подвиг культурного строительства».

«Конечно, всюду трудно, всюду падение интереса к самому насущному, к культуре жизни, всюду усиление безответственности и ожидание каких-то перемен и непременно каждому по его сознанию, но меньше всего думают о культурном строительстве. А, между тем, следовало бы подготовиться к идущей новой ступени эволюции не пустыми мечтами о розовом будущем, но усиленным трудом, расширением сознания и мыслями о просветительных проектах».

Одним из таких проектов, которому придавалось особое значение в последних письмах Елены Ивановны, был проект Знамени Мира. В письме от 14 августа 1946 года Елена Ивановна писала: «Последние дни просматривала, что было дано (в 1931 году) о великом значении Знамени Мира, ...и как необходимо развернуть Знамя Мира, ибо в нем содержатся все устои Культуры». «Сказано: «В эпоху Огня, когда Свет борется с Тьмою, явление Знамени Мира есть тот великий знак, который даст новую ступень человечеству. Так, под этим Знаком объединятся Красота, Знание, Искусство и все народы».

Эти слова особенно значимо звучат сегодня, они обретают новый смысл и глубину. Елена Ивановна отмечает, «что лишь при самых больших напряжениях и битвах вводятся и утверждаются новые идеи и построения. ... Но сроки их утверждения могут растянуться на десятилетия».

Можно проследить, как постепенно, ступень за ступенью, вводилось понятие Знамени Мира. Мысль о защите культурных ценностей возникла у Н.К.Рериха еще в начале века в русско-японскую войну. Затем, в годы первой мировой войны, Николай Константинович выступил с проектом заключения соглашения между различными странами об охране просветительных учреждений и памятников культуры. Но тогда его предложение не нашло отклика. С новой энергией приступает Рерих к осуществлению этой идеи в 1929 году после возвращения из Трансгималайской экспедиции. Тогда же появляется и символ – Знамя Мира, которое по мысли Николая Константиновича должно было развеваться над всеми культурными и просветительными учреждениями, нуждающимися в защите и охране. С помощью ведущих европейских ученых, специалистов в области международного права д-ра Шклявера и проф. Жоффр де ла Праделя, он разработал проект Пакта об охране культурных ценностей во время войны. Идея Пакта Рериха вызвала горячую поддержку со стороны многих государств и выдающихся деятелей науки, искусства и общественности. 15 апреля 1935 года в Нью-Йорке Пакт Мира был подписан президентом США Рузвельтом и представителями всех стран Южной Америки. И уже после второй мировой войны в мае 1954 года на Гаагской конференции Пакт Рериха был подписан представителями 37 государств, а

День Культуры 9.10.93

СЕЯТЕЛЬ ДОБРЫЙ

«Жизнь бесталанна без героя»,– говорит народная мудрость. Человечество нуждается в идеалах, не в придуманных, а живых примерах «совершенных людей», в которых осуществились лучшие мечты человечества. Такие достигшие высшего совершенства Высокие Индивидуальности проходят по всей истории человечества, но некоторые из них еще совсем недавно жили среди нас, они ходили по Земле, многие их видели и разговаривали с ними... Внешне они были обычными людьми, подвластными тем же законам материи, что и все мы, но вместе с тем, внутренняя их сущность принадлежала иной, божественной природе. З.Г.Фосдик в своем очерке «Великая жизнь» пишет: «Когда мы в редкие мгновения духовного подъема размышляем о жизнях великих духовных тружеников человечества, они становятся нам более близкими, хотя стоят несравненно выше нас, нашего духовного и умственного развития. Все их достижения – мудрость, знание законов Вселенной, величие духа, близость к Божественным Силам, – наполняет нас изумлением и почитанием. Мы узнаём в них предтечей Великих Учителей человечества...»

Речь идет о замечательной семье Рерихов. Все они, Четверо, несли единую Чашу Подвига, были стражами, вестниками и хранителями «кубка Архангела», Учения Владык. Каждому из них должна быть посвящена отдельная, и не одна, книга. Каждый из них являл собой образец, идеал человека, каким ему надлежит быть в будущем. Все их действия и поступки были продиктованы высшим смыслом, в них не было ничего случайного, они полны соизмеримости, красоты и величия. Потому изучение их жизни во всех подробностях, кажущихся мелочах – а мелочей нет, – позволяет нам понять их, и поняв, приблизиться к ним. А приблизившись к ним, мы неизбежно захотим подражать им, потому что как травы тянутся к солнцу, так и дух человеческий стремится к совершенству.

Жизнь Рерихов представляет собой сложную полифонию нескольких планов бытия. Может быть, особенно ярко эта полифония ощущается при знакомстве с жизнью Н.К.Рериха. Его младший сын, Святослав Николаевич писал об этом: «Я бы сказал, что Николай Константинович был олицетворением достижений многих людей, собранных воедино». «В нем были соединены многие и многие достижения многих людей. Но поверх всего он был замечательный Человек. Его проникновенная человечность является для меня самым ярким качеством и остается ведущим воспоминанием». Изо всей полифонии жизни Николая Константиновича остановимся на этой, человеческой стороне, и попытаемся составить себе представление о ней на основе воспоминаний «сотрудников – свидетелей», по выражению Елены Ивановны Рерих, – тех, кто в жизни своей имел счастье встретиться с Николаем Константиновичем лично.

Итак, каким же он был, старший из Рерихов, названный «Архатом», то есть тем, кто достиг наивысшего совершенства, возможного на Земле?

В «Бхагават-Гите» любимый ученик Кришны Арджуна вопрошает своего Учителя: «Как говорит тот, чей ум успокоился? Как ходит он и как сидит?»

Взглянув однажды на портрет Рериха, один из присутствовавших воскликнул, пораженный мощью его глаз:«Какие окна духа!»

В Учении Живой Этики сказано: «Спросят – как отличить приобщившегося к великому знанию? Чем больше знания, тем труднее распознать носителя его. Умеет он охранить Несказуемое». (Братство § 562) «Если Агни Йога должна быть введена в жизнь, то носители ее не должны отличаться от внешности жизни. Агни йог входит в жизнь незамеченным...». (Агни Йога, § 187)

Внешне Николай Константинович ничем не выделялся и никаких признаков внешнего величия в его облике не было. Он был среднего роста, носил обычный европейский костюм и его отличала очень сдержанная и спокойная манера. Вот как описывает его сын – Святослав Николаевич Рерих. Художник-портретист, он находит очень выразительные и точные слова для описания внешности Николая Константиновича: «Всякий раз, когда я думаю о моем отце, я вижу перед собою его ясное и задумчивое лицо. Его добрые фиолетово-синие глаза, которые временами могли становиться совершенно темными. Я слышу спокойный голос. Он никогда не повышал его. И все выражение лица отца отображало ту удивительную выдержку и самообладание, которые являлись основой его характера. Это было спокойствие незаурядного человека, серьезного и приветливого, вдумчивого, с замечательно острым чувством юмора...»

А вот что вспоминает о первой встрече с Рерихом Зинаида Григорьевна Фосдик, в будущем директор музея Рериха в Нью-Йорке. Эта встреча произошла в 1920 году во время открытия выставки картин Рериха в Нью-Йорке. Потрясенная созерцанием величественных полотен художника, она пишет: «Для меня толпа уже не существовала, исчезла. Я стояла лицом к лицу с Беспредельностью... Я задыхалась, слезы наполняли глаза, мысли и эмоции били ключом в моем сердце. Мой до сих пор обособленный мир уступил дорогу миру неземной Красоты и Мудрости.

Кто-то вырвал меня из этого великолепия, настаивая на том, чтобы познакомить с художником. Я пошла почти неохотно и только теперь заметила присутствие толпы вокруг меня, и думала, каким уставшим и безразличным должен быть художник, смотрящий на тысячи лиц, встречающий десятки людей, которых он тут же забудет. Но он предстал передо мной искрящимися синими глазами, благородным челом, излучающим какую-то особую доброжелательную силу. Его взгляд был проницателен, как-будто он мог заглянуть глубоко в душу человека и найти ее самую сущность».

Вечером того же дня Зинаида Григорьевна была приглашена в отель, где остановились Рерихи. «С первых глубокой мудростью наполненных слов, которые он произнес,– пишет она,– говоря со мной просто и мягко о Красоте и Труде, я узнала в нем благородного Вестника, посланного человечеству, чтобы возвысить их сердца и души, помочь в поисках истинного Знания и быть стойкими и бесстрашными в этих поисках». Так, при всей обычности внешнего облика Рериха, чуткое сердце будущей ближайшей сотрудницы распознало его истинное величие.

Приведем еще одно интересное свидетельство некой англичанки, побывавшей в имении Рерихов в Кулу в 1942 году и видевшей Николая Константиновича уже в преклонном возрасте: «Старый профессор был в шерстяном костюме кремового цвета из очень мягкой материи ручной работы, в бархатной шапочке гранатового цвета. Он прекрасно выглядел. Я никогда не думала, что могу назвать старого человека красивым. Но в своем мягком шерстяном костюме, с круглой шапочкой, с длинной белой бородой и с кротким выражением лица он выглядел как патриарх. Его присутствие успокаивало, хотя, как все действительно великие люди, он не обесценивал и не умалял свои достижения.Если бы я даже никогда более не увидела Рериха, то все-таки всегда чувствовала бы его влияние».

Уже в приведенных описаниях внешнего облика Николая Константиновича отмечена одна черта, которая составляла основу его характера, по замечанию Святослава Николаевича, – выдержка и самообладание. «Во всех его движениях, – пишет он, – была уравновешенная гармония. Он никогда не спешил, и все же его продуктивность была изумительной. Когда он рисовал или писал, то делал это со спокойной обдуманностью. Когда он писал своим крупным почерком, он никогда не исправлял и не менял своих предложений, и менее всего своих мыслей. Это было постоянное поступательное устремление к известной определенной цели, и это можно сказать о всей его жизни. При всех обстоятельствах и более трудных положениях он оставался спокойным и выдержанным и никогда не колебался в решениях».

Участник Баргинской экспедиции Рериха 30-х годов Николай Грамматчиков в своих воспоминаниях приводит ряд поразительных эпизодов, свидетелем которых он был.

«Надо уметь заполнить время».– говорит Николай Константинович и сам является ярчайшим примером человека, у которого каждая минута заполнена.

Послеобеденный час; жара – 160 градусов по Фаренгейту. Весь лагерь, расположенный посреди раскаленных скал, не движется; точно умер, засох от этого пекла. Даже монгольские привычные кони сбились под дерево и стоят неподвижно, только хвостами помахивают, силясь отогнать мошкару. Люди или неподвижно сидят и пьют горячую воду, или лежат, силясь заснуть.

Николай Константинович, сидя на складном кресле, или под деревом, или в юрте, работает...

Воет страшный ветер, подымает тучи желтого песка, сдвигает, перевертывает юрты, изредка начинает падать перемешаный с песком снег, холод проникает в каждую щель, закутавшись сидят члены экспедиции, стараясь разогреться около печки.

Николай Константинович под вой ветра диктует статью, о чем-то высоком... прекрасном... добром...

С ревом несется по пустыне машина, пробегая милю за милей, идя к нужной цели.

Несется – час, два, пять, десять, пятнадцать, семнадцать подряд; и шофера и пассажиры утомлены; засыпали по нескольку раз, просыпались, сидя старались расправить затекшие члены, согреться; все мчались и мчались в туманную даль.

Тяжки монгольские дороги, – редко попадётся коротенькая прямая, а потом

опять начнет дорога выписывать вензеля, машину кидает из стороны в сторону, подлетает она на ухабах, с воем ползет по глубоким пескам, взбирается на гору, летит по долинам.

Николай Константинович бросает несколько слов; через некоторое время еще заговорит и по его словам видишь, что он и тут работает. Тут в этой гонке по монгольским степям ни на минуту не прерывается его мысль...

...Тихо в лагере, на небе мерцают звезды, все спит. Только мерные шаги часового раздаются в этой тишине ночи. Наступает время смены, подходит сменяющий, при свете звезд кажущийся каким-то серым, неясным.

«Ну как, все благополучно?»

«Все ладно».

Подошедший кивает на юрту Николая Константиновича.

«Спит?»

«Нет».

Один шагает по лагерю, чутко прислушиваясь ко всем ночным звукам пустыни, другой отправляется спать. Через два часа новая смена.

«Спит?»

«Нет».

Только под самое утро слышно из юрты ровное дыхание спящего человека. Начальник экспедиции кончил работать. А с восходом солнца он уже выходит из юрты — здоровый, свежий, бодрый...

Сарат гонит, его фордик дает все, что может, стрелка спидометра подходит к 50 и колеблется около этой цифры. Сарат торопится...

На такой скорости шоферская привычка дает себя знать, невольно впиваешься глазами в колеи, не обращая внимания на виды, мелькающие по сторонам.

Вдруг становится заметным и быстро приближается к нам оказавшийся за поворотом большой камень, уютно примостившийся на нашей колее. Затормозить нет времени. Сарат делает легкий рывок — хочет перескочить в другую колею, но случается то, что обыкновенно случается в большинстве таких случаев: передок машины подпрыгнув идет по новой колее, зад заедает и машина со скрипом и шипением задом начинает залетать в сторону.

По всем соображениям мы должны перевернуться.

Кузов у машины старенький, разбитый, лопнет обязательно. Слышу, как правый скат отделяется от земли, крен все больше и больше... Но вот машина замедляет свое вращательное движение, хлопает поднявшимся на воздух скатом о землю и останавливается.

Поднятая пыль застилает все кругом; шумит на холостом ходу мотор.

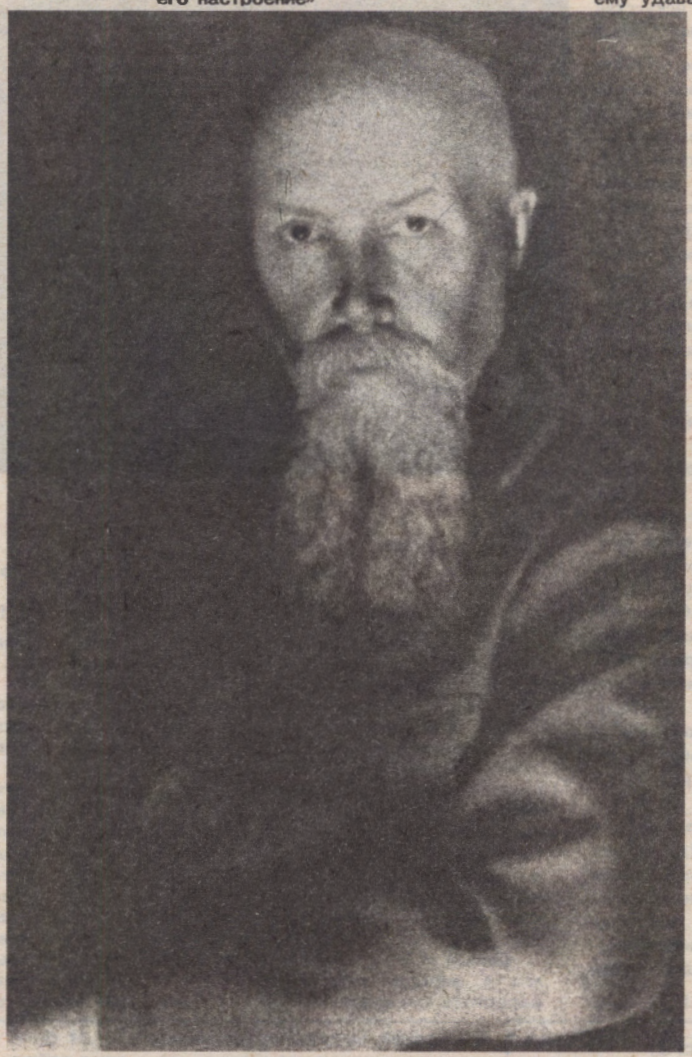
«А здорово», прерывает молчание Юрий Николаевич. «Задом наперед встали».

Здорово не то, что задом наперед встали, мелькает у меня в мозгу, а то, почему мы вверх ногами не встали.

Сарат тоже шофер, и по его побледневшему лицу и изумленным глазам вижу, что у него в голове то же.

Николай Константинович спокойно сидит и поглаживает свою серебристую бороду.

Случаев, подобных этому, когда так просто можно было выйти из состояния равновесия по той или иной причине, и когда Николай Константинович оставался все тем же ровным и спокойным, как будто ничего не произошло, можно привести столько, что получится целая книга. Никакие обстоятельства никогда не влияли на его настроение»

В Учении спокойствие называется венцом духа, и как высшее достижение духовного пути, часто не понимается, не вмещается средним человеческим сознанием. Давайте посмотрим, что говорит о нем Живая Этика.

«Условимся о значении понятия покоя. Около него наслоилось множество неверных и вредных толкований. Люди привыкли считать покой бездействием, таким путем он превращается в психическое расслабление...

...покой есть ничто иное, как равновесие. Но равновесие есть равномерное напряжение энергии. Только таким путем можно возродить и укрепить силы...» (Братство, § 44)

«Много говорят о спокойствии мудрецов, но оно есть великое напряжение, настолько великое, что поверхность энергии становится зеркальной...»

«Отражение четко в спокойной поверхности. ...также и всеначальная энергия требует спокойствия, чтобы отражать Истину». (Братство, § 132)

«Спокойствие йога есть напряжение океанской волны». (Агни Йога, § 201) «Спокойствие действия будет высшим напряжением, будет сверканием молнии, будет мечом охраняющим. Не сон, не могила спокойствие, в нем рождается идея созидательная». (Надземное, § 36)

Именно глубочайшее равновесие всех приведенных в действие духовных энергий огромной мощи способствовало сбережению сил и приложению их в неустанном творческом труде. Известно много примеров феноменальной работоспособности Николая Константиновича. Уже в юности ему удавалось успешно совмещать занятия на двух факультетах в университете и в Академии художеств. Позднее, «в свою бытность директором Школы Императорского Общества Поощрения Художеств, — по воспоминаниям Е.И. Рерих, — он был занят целыми днями, ибо школа была открыта с 9 утра до 10 часов вечера, да еще полдня по воскресеньям. А кроме того, в скольких других учреждениях Николай Константинович состоял председателем и основателем, или членом комитета, и сколько вечеров уходило на такое добровольное служение! Зимою он имел очень мало времени для своего художества, иногда проходили целые недели — и он не мог взяться за кисть; только летами, в течение трех месяцев, он работал с утра до ночи». (Письма, 3 том, с.373)

Святослав Николаевич отмечает, что ни у Николая Константиновича, ни у Елены Ивановны «не было светской жизни, эта жизнь их совершенно не интересовала... С самого утра и до позднего вечера их день был занят полезной работой. Днем были встречи, которые входили в орбиту общественной жизни отца, он делал также свои записи, в перерыве слушал музыку — это его освежало — и затем до позднего вечера продолжал свою работу. И так всегда его день был полностью занят кипучей творческой работой». Когда один журнал проводил предпраздничную анкету, опрашивая знаменитых людей о том, как проводят они праздники, Рерих ответил: «За работой: в чем же лучший праздник, как не в работе?» Без рисовки, для него это было правдой.

В период, когда Рерихи жили в Кулу, Николай Константинович, как и все члены семьи, вставал очень рано — в 5 часов утра и приступал к работе над картинами. Святослав Николаевич отмечает, что «Николай Константинович никогда не торопился, не суетился, всегда работал размеренным темпом..., но всегда поспевал все сделать и поспевал сделать гораздо больше, чем другие, которые торопились как можно быстрее что-то написать или что-то сделать».

Дювернуа также сообщает: «Не раз приходилось видеть, как он, работая над картиною, в то же время диктовал важное воззвание, или, диктуя документ, поддерживал два разговора. Когда же его спрашивали, как он вмещает это, ответ был: «Очень просто».

Работа Николая Константиновича продолжалась в любых условиях. Даже в его многочисленных поездках, в экспедициях он продолжал работу над картинами. Так, во время путешествия по Алтаю «к седлу был прикреплен маленький ящик — этюдник, и на ходу лошади он набрасывал красками пейзажи. Это редчайший случай такой

Великий дар

Художественное наследие Мастера.

Через искусство
имеете свет (*Зов.*)

Художественное наследие Н.К.Рериха огромно. Оно включает более семи тысяч картин, находящихся в музеях и частных коллекциях России, Индии, Америки и других стран.

Но чтобы лучше понять картины Н.К.Рериха, необходимо глубоко знать его литературное и философское наследие. Многочисленные прекрасные образы, вдохновившие его на создание живописных полотен, нашли также отражение в статьях и очерках художника. Его многогранный талант проявился не только в живописи, но и в литературном жанре. Недаром создательница художественного центра в Талашкино, известная деятельница Культуры княгиня Мария Клавдиевна Тенишева отмечала в письме к Николаю Константиновичу: «Как вы ярко и глубоко умеете рисовать словами, что ни слово – то картина, все видишь и переживаешь, – чудно!»

В течение ряда лет Н.Д.Спириной и Д.Н.Поповым велась большая работа по сбору объяснений картин Н. К. Рериха. Собирались рассеянные по многочисленным статьям, очеркам упоминания о картинах художника, а также легенды, сказания, притчи, легшие в основу сюжетов тех или иных полотен.

Но работа эта далеко не закончена. Многое можно добавить, изучая Учение Живой Этики и Письма Елены Ивановны Рерих. Они проливают новый свет на казалось бы знакомые нам картины Николая Константиновича, давая понимание их глубинного философского смысла.

Н.В.Жукова

Белый камень
(Конь счастья или Знак Чинтамани)

1933 г., холст, темпера, Музей Рериха в Нью-Йорке.

Во время Центрально-Азиатской экспедиции в селениях Монголии и Тибета Н.К.Рерих втречал изображения Белого коня (по монгольски – Эрдени Мори – Конь счастья), несущего на спине Сокровище Мира – Чинтамани.

Монгольские и тибетские предания говорят, что в давние времена с далекой звезды упал на землю чудесный Камень – Чинтамани – Мира спаситель, посланный на помощь людям.

Белый Конь – Эрдени Мори несет его с вершин гор в долины. По народным поверьям, всюду, где появлялся Эрдени Мори, несущий Сокровище Мира, наступало счастье.

Вот как писал об этом Николай Константинович Рерих в статьях «Эрдени Мори» и «Камень»: «Издавна ходит Эрдени Мори и светит его сокровище. На восходе и на закате солнца затихает все, значит где-то проходит великий Конь Белый, несущий сокровище».

«На Гималаях, в Тибете и в Монголии постоянно приходится встречаться с упоминанием об этом сокровенном чуде... О нем сложены всевозможные предания и песни. Легендарный, чудный камень, посещающий особо замечательные местности в особо нужное время».

(продолжение со с. 3)

художественной работы», отмечает художник Л.Р.Цесюлевич. (Л.Р.Цесюлевич. Рерих и Алтай.) Находясь в труднейших походных условиях во время Трансгималайской экспедиции, Рерих написал около 500 картин.

Владимир Анатольевич Шибаев, в течение почти 20 лет бывший личным секретарем Рериха и живший долгое время в Кулу, вспоминает: «...характерная черта в творчестве Рериха, что он, твердо выработав план и цель действия (будь то картина, статья для журнала, важная встреча, разработка проекта учреждения), не позволял ни себе, ни другим ничем отвлекаться, чтобы, как он выражался, не нарушалась «прямизна полета стрелы», не пострадала «монолитность действий».

«...никогда я не видел его праздным, бездействующим. Для него отдых был переменой занятий. Улучшением качества действия измерялся успех действия, ни одно действие не было так незначительно, чтобы им можно было пренебречь, и то же соизмеренно максимальное усилие применялось им как к малым, так и к великим действиям».

«...человеку нужна строгая самодисциплина, неуклонное развитие, расширение и утончение сознания, сознательное сбережение творческой энергии и постоянное воздержание от таких недопустимых ...качеств, как ложь, лицемерие, присвоение, своекорыстие, пьянство; ... страх он считал недопустимым, как и невежество..., ибо оно есть нежелание учиться».

Сам «он не знал страха, ничего не боялся, не пугался даже самых зловещих, чудовищных явлений жизни. Он считал, что всякий страх в корне основан на невежестве, и потому всегда повторял: «нужно знать, знать, знать!»

«Николай Константинович во всем всегда был зоркий, восприимчивый и настороже, всегда говорил мне, что жизнь его научила никогда не игнорировать «случайные замечания» и «всяких между прочим...»

«Утром Николай Константинович всегда приходил после завтрака вниз, в свою мастерскую или прилегавший к ней маленький кабинет, служивший и мне канцелярией; я уже ждал его там, зная, что у него уже мысленно готова не только статья, но и обычно ряд писем. Статью он диктовал мне прямо на машинку. ...Николай Константинович очень, очень редко менял текст, так как мыслил очень отчетливо, ясно... Он работал в высшей степени усердно и планомерно... Обычно статья была закончена в одно утро, реже в два.

...И было все это так быстро, как бы само собою, как умел это только Николай Константинович, – и так же прост, умен и мудр был сам смысл сотворенного...

Так в своем устремлении Николай Константинович был постоянен и монолитен. Тогда как столь многие совершенно не понимают ценности времени, Николай Константинович умел трудиться, не отвлекаясь, беспрерывно устремляясь прямо к цели и не уставая, не замедляя напряжения, пока не достигал и не заканчивал задуманное».

Интересны также детали повседневной жизни, подмеченные Шибаевым.

«Сам Рерих, как и Елена Ивановна, вел почти суровую жизнь, никогда они не жаловались на лишения, даже не признавали их...»

«В своем устремленном напряжении он не требовал ничего для себя лично, довольствуясь минимумом удобств, не жаловался никогда, даже в самые трудные периоды жизни, ибо он вместил полностью, что препятствия и затруднения для него были лучшими, ближайшими ступенями к восхождению. ...никогда за все это время я не видел Рерихов в роскоши. Николай Константинович считал, что роскошь несоизмерима ни с красотой, ни со знанием,

(продолжение на с. 5)

Н.Д.Спирина

Слово о Культуре

Слово на Дне Культуры 9 октября 1993 г.

В самые темные дни самого темного года не только уместно, но и совершенно необходимо говорить о **свете**. Иначе что же мы противопоставим тьме? Только более длинную линию подлинной культуры. Сама мысль о ней уже возвышает и осветляет наш путь.

Наша молитва в действии есть мысль о прекрасном. Если мы объединимся на этом — резонанс в пространстве будет велик. Темные будут разрушать, а мы будем строить и не устанем в этом строительстве, ибо в нем наша жизнь, и мы уже не мыслим себя без этой деятельности. Радоваться будем, что сообща мы так много можем, что мы держим в руках знамя Культуры мира.

И вручили нам это Знамя наши Старшие, ушедшие, но живые, пребывающие в мирах высших и в то же время с нами. Мы не одни и не сами по себе, и потому можем дерзать и творить новую жизнь. Ведь скоро, очень скоро, мы «увидим новое небо и новую землю», и это новое состояние не будет для нас чем-то новым, неожиданным, необжитым.

Мы уже сейчас, в нашем сознании — **там**, в будущем новом Граде новой Эпохи. Что бы с нами не случилось на земном плане, будущего от нас отнять нельзя, раз мы в нем. Мы вооружены нашим мировоззрением — это величайшее счастье, к которому стремится все больше и больше людей. Переоценить это невозможно; невозможно вообразить себя без него.

«Посев добра не сохнет, и в дни сужденные зерна процветут». Радостно видеть, быть свидетелем этого процесса процветания добрых зерен. Начинает осуществляться светлая, благородная мечта Николая Рериха о всемирном Дне Культуры. Наша страна покрылась сетью обществ имени Рериха, их уже очень много, больших и малых, и несомненно каждое из них отмечает этот день; и эти очаги множатся и возрастают.

Наше общество проводит этот день уже в четвертый раз. Радостный этот день, потому что с понятием культуры связано все самое лучшее, что есть в человеке и человечестве, что создано и принесено лучшими из людей. И собравшись вместе в этот праздник духа, мы уже тем самым объединяемся со всеми носителями культуры во всем мире на том плане бытия, где нет расстояния. «Только помыслите об общем благе, и Мы всегда с вами», говорят наши великие духовные Учителя. А что же есть культура, как не общее благо?!

В этом небольшом слове о культуре сегодня хочется сосредоточиться лишь на одном параграфе **373** из книги «Надземное». Важность того, что там сказано — необычайна и особенно в данный роковой момент истории человечества. Именно когда разъединение принимает катастрофические размеры, мы начинаем утверждать культуру как **объединителя вселенского**. И в этом заключена победа.

«Урусвати знает, что состояние, которое вы называете культурою — общечеловечно. Могут быть многообразия в обычаях, верованиях и языках, но каждое культурное действие будет общим для всего человечества. Такое общение Мира есть первая ступень к преобразованию всей жизни.

Могут вам возразить, что каждый народ имеет свою культуру. Но вы можете легко ответить, ибо под таким возражением скрывается не культура, но обычаи. Могут указать на различные письменности в разных странах, но мы говорим не о глифах или способах выражений, но о сущности намерений и заданий. Сравните все лучшие произведения разных народов и вы увидите, что задания будут общечеловечны. Так Мы утверждаем, что и среди разъединения можно найти общечеловеческую устремленность.

Можно радоваться, что сущность человека стремится к усовершенствованию. Сам он часто не хочет замечать этот недремлющий импульс. Человек даже пытается противиться лучшим побуждениям, но где-то глубоко в недрах чаши уже сияет зародыш зерна культуры. Рано или поздно это зерно прорастет, и потому каждый человек уже несет в себе частицу общечеловечности...»

Мыслитель заботился, чтобы ученики познали, что и в дальних мирах светит общечеловечность, и каждый человек уже гражданин всех миров».

Чем шире поймем, тем ближе подойдем. Ничего отвлеченного нет, ни в земной жизни, ни в надземной. Идти верхним путем — значит применять в жизни лучшие качества ума, сердца и духа, общие для всех миров. Любовь к Богу — общечеловечна. Любовь к ближнему, самоотверженность, мужество — общечеловечны, в каких бы формах эти превосходные качества ни выражались.

Святые, подвижники, духовные Учителя — это высшее проявление культуры, хотя это слово к ним не применяется. Но пора пересмотреть значение слов, иначе мы останемся у разбитого корыта невежества. Каждый наш шаг проверяется мерою культуры.

С понятием культуры неразрывно связано понятие красоты. Красивым или некрасивым, то есть культурным или некультурным может быть все — мысли, слова, поступки, намерения.

«Первая ступень к преобразованию всей жизни», — это каждое культурное действие, «общее для всего человечества». Живая Этика имеет дело не с внешностью, а с сущностью. «Все внешние достижения не спасут от взаимного разрушения». (Надземное,719) Не внешние проявления, но «сущность намерений и заданий» определяет победу культуры.

Особенно важно говорить и мыслить о культуре в момент максимального разъединения человечества, мыслить о культуре как об **объединителе**. Найти «общечеловеческую устремленность» и сойтись на ней.

Как обнадеживает, что «сущность человека стремится к усовершенствованию», и если голос его сущности уже доходит до его земного слуха, он начинает неминуемо стремиться к культуре.

«Нужно все силы Космоса направить на расцвет духа». (ЛСМ,1,с.84)

«Сроки духа наступают». (ЛСМ,1,с.91)

(продолжение со с. 4)

более того, что она колыбель всякой пошлости, и что она разрушение и разложение истинного ритма жизни, что она всегда была признаком упадка духа и что лишь человеческий эгоизм может считать ее заслуженным изобилием. Даже само понятие собственности в жизни Рериха было скорее использованием средств и предметов на положительное, творческое, созидательное, общечеловечески полезное дело, а не трата их на себя или зря. Николай Константинович никогда не разбрасывал даже мелочь. На личном опыте я знаю также, что Николай Константинович был в высшей степени щедр во всех областях и на всех уровнях жизни со всеми. Он был несомненно одним из тех редких людей, которые любят больше давать, чем получать».

«...В доме Рерихов никогда не бывало уныния. За период почти 20-ти лет я замечал всегда лишь явную степенную торжественность во всех их действиях, в разговорах, и чувство глубокого достоинства выдающихся по своей деятельности людей. Это чувство торжественности переходило от Николая Константиновича к собеседнику, будь то скромный человек, ищущий разрешения своих житейских и духовных проблем, или знатный представитель общественности, и она возвышала и облагораживала его».

«Всякие вопросы и проблемы Рерихи решали всегда тихо, достойно, я бы сказал, научно: по целесообразности и соизмеримости правильное решение могло быть только одно, и его они и принимали. Много таких указаний мы видим в статьях Рериха, например, в статье «Действие» из книги «Пути Благословения»: «Однажды великий Акбар (император Индии из династии Великих Моголов) провел черту и спросил своего мудреца Бирбала, чтобы тот сократил ее, не урезывая и не касаясь концов ее. Бирбал параллельно провел более длинную линию и тем самым линия Акбара была умалена. Мудрость заключается в проведении более длинной линии».

Я привел эту цитату потому, что нахожу ее типичной именно для самого Рериха — во всех сложных и затруднительных обстоятельствах он находил выход и решал быстро, неожиданно, эффективно и мудро проводил более длинную линию. Рерих также придавал большое значение тому, чтобы всякое действие шло искренно, как он выражался, «от чистого сердца». ...Рерих придавал огромное значение слову «подвиг». Это видно не только из его многочисленных картин..., статей... Так и в его собственной жизни он совершенно отошел от самости, самовосхваления, самомнения, самоуспокоения — наоборот: самоотверженность и самопожертвование были выдающимися чертами его характера».

В связи с миссией Николая Константиновича — как творца и вестника Культуры, создателя и руководителя многочисленных обществ, ему приходилось много путешествовать, встречаться со многими людьми. Особо следует поэтому остановиться на искусстве Николая Константиновича «творить отношения», которое Елена Ивановна назвала самым трудным искусством. Нужно сказать, что круг его связей и общения был чрезвычайно широк. «Весь мир был полем его деятельности. Каждая страна представляла для него особый интерес и особое значение», говорит Святослав Николаевич. Николай Константинович, встречаясь с людьми, легко и непосредственно вступал с ними в контакт, находя путь к сердцу каждого, вникая в интересы собеседника и увлекая его на лучшие и светлые пути.

(продолжение на с. 6)

(продолжение со с. 5)

«...всюду, где он путешествовал, — рассказывает Шибаев, — он чувствовал себя как дома, для него как бы было «там, где я, там и дом мой». Он умел говорить, понять и быть понятым одинаково сердечно и искренне тибетским монахом-целителем, индусом, сингалезцем, американцем, арабом...»

Все, кому довелось встречаться с Николаем Константиновичем, сохранили о нем светлые и теплые воспоминания — от простых крестьян до ближайших духовных учеников и сотрудников.

Как ему удавалось достичь такого удивительного взаимопонимания? Эта проблема носит для нас особенно актуальный характер, так как она входит в нашу каждодневную жизнь и постоянно волнует и вызывает множество вопросов.

Во всех высказываниях о Николае Константиновиче постоянно подчеркиваются его дружелюбие и простота. Так, Л.Р.Цесюлевич, рассказывая о пребывании Рерихов на Алтае, пишет: «Дружеские отношения сразу установились у Рерихов со всеми сельчанами. Сердца людей покоряла их простота, разговорчивость, любовь и уважение к людям. Особенно к ним привязывались дети». О пребывании на Алтае также рассказывает З.Г.Фосдик: «На пароходе мы знакомились с людьми всех классов и сословий — учителями, студентами, рабочими, молодежью всех возрастов. Николай Константинович, Елена Ивановна и Юрий Николаевич много беседовали с пассажирами. Последние, узнав, что мы из Америки, засыпали нас вопросами, особенно интересуясь Индией и экспедицией Николая Константиновича. Рерихи вели многие беседы со многими, и Николай Константинович щедро давал свои исключительные знания слушателям... Говорил Николай Константинович увлекательно и просто, по уровню знания слушателей». И еще: «Николай Константинович беседует с жителями, встречными на пути, поражая всех общительностью и подходом к людям. Все для него значительны».

Из приведенных фрагментов видно, какое уважение и глубокую искреннюю заинтересованность испытывал Николай Константинович к каждому собеседнику, — и при этом без рисовки, без эгоистического желания понравиться собеседнику, завоевать его симпатии. Только любовь, радость открытия человека, поддержание его светлых устремлений к знанию, труду, к строительству будущего, — вот что руководило Рерихом. Елена Ивановна, которая, по ее признанию, знала зарождение и развитие почти каждой мысли Николая Константиновича, отмечала, что у него «нет ни одной личной мысли, все решительно направлено и отдано на служение общему благу».

И еще одно качество, редчайшее из редких, необходимо отметить — простота. Об этом качестве в Живой Этике и в письмах Елены Ивановны сказано: «Знание приводит к простоте». (Аум, § 508)

»...простота свидетельствует о ясности понимания. Высшая Истина открывается лишь в величии простоты. Конечно, простота эта особая, так же, как и высшая радость есть особая мудрость». (Письма, т.2, с.228)

«Искренность и простота — два мощных магнита и основы великого творчества отношений между людьми. Мало кто осознает всю важность этого творчества, на котором зиждятся все построения, вся эволюция» (Письма, т.1, с.147)

«Когда речь идет о поднятии народного уровня, именно требуется простота во всей убедительности. Такое качество нужно не только принять умом, но и полюбить сердцем, из него произойдут и сотрудничество и братство». (Братство, § 479)

«Ярко нужно стремиться к простоте». (Община, § 250)

И еще. Елена Ивановна Рерих пишет: «...истинно приближенный или доверенный будет, именно, прост в своей жизни, стараясь внешне ничем не выделяться, и будет молчать о достижениях своих». (Письма, т.1, с.276)

Вспомним, как и Николай Константинович писал: «Те, кто встречал в жизни Учителей, знает, как просты и гармоничны и как прекрасны Они». И Николай Константинович этой гармонией и простотой, которые он нес во всем своем облике свидетельствовал о своей близости к Ним.

Как-то вспоминая о своем учителе живописи в Париже Пюви де Шаванне, Николай Константинович писал: «Когда великий мастер Пюви де Шаванн высказывал свое мнение об искусстве, он всегда отличался чудесной терпимостью. Так, например, я помню, как однажды, посетив с ним одну выставку, я был поражен, с какой тонкостью он находил положительные и доброжелательные отзывы для самых разнообразных произведений. Лишь иногда мастер проходил молча — это был знак отрицания».

Это восхитившее его качество Николай Константинович впоследствии взял на вооружение и постоянно его применял и в отношении своих коллег и в отношении друзей и сотрудников. Как пишет Елена Ивановна, «глаз добрый» полагается им в основу его отношений к людям в стремлении дать всем надежду на преуспеяние и радость творчества». (Письма, т.1, стр.475) «Ведь никто не уходил от него отягощенным, наоборот, он умел облегчить ношу каждого и направить на новый путь, путь устремления и мужественно осознанного труда во имя общего блага». (Из письма Елены Ивановны к З.Г.Фосдик от 13.01.48)

А вот что вспоминает о своем учителе З.Г.Фосдик: «...всегда сострадательный, он облегчал душевную боль тех, кто приходил к нему. Он никогда не умалял, но всегда возвышал, находя в каждом, даже в самом малом сознании, семя добра». «Он великодушно хвалил, когда был заметен хоть маленький прогресс, побуждал к еще большим достижениям. Радостно он приветствовал добрую душу и замолкал, когда зло давало о себе знать в его присутствии».

Так Николай Константинович следовал указанию Учителя: «Надо в удвоенное стекло смотреть на все доброе и в десять раз уменьшать явления несовершенства, иначе останетесь прежними». (Листы Сада Мории 1, с.19)

Когда-то еще в юности художника отец Иоанн Кронштадский завещал Рериху: «Во всех трудах своих смотри в основу и углубляй добро». И этому завету Николай Константинович следовал всю жизнь.

Крестьяне алтайского села Верх-Уймон, рассказывая о приезде Рерихов в августе 1926 года, прежде всего отмечают, что все они были необыкновенно красивые и добрые. В связи с этим вспоминается эпизод из жизнеописания Аполлония Тианского. Когда Аполлоний Тианский, находясь среди индийских мудрецов в Гималайской Твердыне, спросил их главу, кем они себя считают, тот ответил: «Богами». «Почему?» — спросил Аполлоний. «Потому что мы добрые люди,» — последовал ответ. Так, не является ли доброта главным признаком божественности? Вспоминается замечательное высказывание из Учения Живой Этики: «... все Собратья и сотрудники внешне несут обычные земные облики. Но даже и при условностях обликов, сердечность будет сквозить в каждом взгляде и улыбке». (Надземное, § 40)

Одна из книг Рериха, посвященная Трансгималайской экспедиции, называется «Сердце Азии». Биограф Рериха Жан Дювернуа в связи с этим пишет: «Не определил ли художник самим названием книги смысл того, что сделало успешной его экспедицию? Не прикоснулся ли он к сердцу человеческому, которое открыло ему все пути?» И — продолжим — не то же ли прикосновение к сердцу человеческому сделало успешной и всю миссию Рериха как вестника Культуры? Вспомним, что он раскрывал понятие Культуры, как Культ Света. В Живой Этике говорится: «...культ Света есть культ Сердца. Понять это отвлеченно, значит оставить сердце в холоде. Но, как только Свет солнца-сердца сделается жизнею, потребность тепла магнита засияет, как истинное солнце. ...Учение о Сердце светло, как солнце, и тепло сердца спешит также быстро, как и солнечный луч». (Сердце, § 62) «Сердце, предавшееся добру, излучает благодать непрестанно». (Сердце, § 63)

Однажды знаменитый биолог демонстрировал Рериху процесс умирания растения: «Сейчас я дам яд этой лилии и вы увидите, как она вздрогнет и поникнет,» сказал он. Но вместо поникания лилия поднялась еще выше. Ученый задумался: «Давно предугадывал я, что эманации некоторых сильных энергий должны влиять на окружающие физиологические процессы. Вы препятствуете смерти растения, отойдите подальше». И действительно, когда Рерих отошел, жизнь растения прекратилась.

Так и во всех делах участие в них, зримое или незримое, Николая Константиновича вносило жизнь и препятствовало смерти. «Можно ли в земной жизни совершать лишь полезные действия? — вопрошает Живая Этика. — Конечно можно. Легко представить целую жизнь, как беспрерывный поток полезности для других». (Мир Огненный 1, § 445) Именно таким беспрерывным потоком даяния и служения была жизнь Н.К.Рериха. Елена Ивановна писала о нем: «Путь Учения, путь служения, есть, прежде всего, путь самоотречения и самопожертвования, но радостен этот путь, когда в сердце горит любовь к Иерархии Света. Все тернии обращаются в благоухающие фризии. Пример такого служения и являет Николай Константинович. Если бы Вы знали всю тяготу-его, то, воистину, ужаснулись бы этой ноше непомерной! Но, именно, в нем горит такая любовь, такая преданность, такое устремление к принесению всего себя на общее благо, что он все принимает с великою готовностью и радостью. И разве не великая радость заключается в сознании исполненного долга перед человечеством?» (Письма, т.1, с.222).

«Сеятели добрые идут по миру, когда содрогается человечество». (Братство, § 610) Именно таким добрым сеятелем был Н.К.Рерих. Семена добра, посеянные им, непрестанно дают и будут давать все новые всходы в сердцах и душах людей. Они заключены в сиянии его полотен, в глубинах его литературной мысли, ими насыщено пространство. Ведь «мысль не умирает в пространстве... Нет предела распространению ее». Также и Великие Духовные Индивидуальности, носители этой мысли, не умирают. Они продолжают Служение тому делу, которому посвятили свою земную жизнь. И каждый раз, когда мы участвуем в осуществлении их идей, они устремляются к нам на помощь, посылая силы, вдохновение и устремляя на лучшие пути.

Н.Гребенникова

По следам Писем Махатм

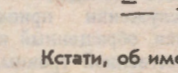
Свой второй заход в отдел манускриптов библиотеки Британского музея я решил начать с конца. Честно говоря, не думал, что попаду сюда еще раз. Но нет — пятиминутное ожидание, уже очень короткие объяснения — и передо мной еще два тома — шестой и седьмой. Я выбрал их потому, что они рассматриваются как дополнительные и об их существовании и содержании мало что известно. Шестой том интересен, на мой взгляд, не содержанием, а формой и самим фактом его наличия. В этой небольшой, по сравнению с другими, книжке переплетены письма Махатм (многие из которых уже известны по оригинальным текстам), переписанные рукой Синнетта. Но как переписаны! Процитирую свои карандашные заметки в блокноте: «Аккуратно, но без заказной четкости. Воспроизведены рисунки. Чувствуется, что Синнетт воспринимал все серьезно, искренне. Они были ему дороги, он хотел, чтобы они лучше сохранились и чтобы их смысл дошел до нас. Синим карандашом — его собственные пометки.»

Пусть не удивляет читателя такая несколько странная реакция: когда сидишь и работаешь с такими документами, тебя все время охватывает ощущение нереальности, да и «червь сомнения» нет—нет, да и проползает. Но этот труд — скромный шестой том — меня покорил. Любовь, восхищение, понимание — все это ясно проступает и в почерке Синнетта, и в оформлении рисунков...

Последний, седьмой, том еще более необычен, поскольку начинается с ... телеграммы, посланной 27 октября 1880 года из Джелума (название не очень разборчиво) в Аллахабад. В центре указано имя адресата: А.П. Синнетт, в правом верхнем углу — отправителя — Кутхуми Лалсингх (написание стараюсь приблизить к английскому оригиналу, это важно для дальнейших сравнений). Рядом — наклеена марка достоинством 5 рупий. Нелегко себе представить, каким образом передавались телеграммы в индийской провинции свыше ста лет назад. Но попытаться необходимо, чтобы не делать ложных умозаключений. Судя по внешнему виду, это были стандартные бланки, разлинованные на несколько десятков пронумерованных клеточек. Каждая клеточка (на самом деле — прямоугольник) должна была содержать по одному слову (кстати сказать, очень удобно было бы и сейчас ими пользоваться — не надо считать). Например, в упомянутой телеграмме их 39. Копий должно было быть не меньше двух — одна, написанная, видимо, рукой отправителя, оставалась на почте, а другая писалась принимающим телеграфистом (по иронии английского языка, этот служащий именовался «Master» — так же, как и Махатма) и оставалась у получателя. Правда, непонятно, почему тогда на этой последней копии появлялась марка.

Но оставим на время «технологию», так как многих наверняка интересует содержание телеграмм. Сразу разочарую, ничего сверхнеобычного в них нет, да и вряд ли следовало ожидать. В основном они информационного характера («завтра получите письмо» и т.п.), часто анапитического (оценка поведения и взглядов отдельных деятелей, слоев общества, правительств и т.д.), иногда директивного («отложите выборы» в телеграмме от 16 января 1884 года). Перевести их дословно очень сложно, так как надо знать все обстоятельства того времени. Подчеркну лишь, что телеграммы от Учителя М. вообще похожи на ребус, так как написаны иносказательным, символическим языком.

Огромный синий том дарит все новые и новые неожиданности. Вдруг возникают вырезки из тогдашних газет (о ситуации в Ирландии, в России, о событиях в Индии) с пометками М. на полях (красными чернилами). На заметке от 1882 года четко выведено: «Ваша статья блестящая», и подпись:

Кстати, об именах и подписях. Сначала я решил, что различные варианты означают ошибки, сделанные телеграфистом. Но в ходе знакомства с документами, обнаружились и подлинные тексты (не копии), на которых мы можем прочесть: M.Orya, M.Orya Boss, K.H.L.Singh, Koothoomi. Объяснить это я пока не могу.

Наконец, одна телеграмма заставила меня закончить увлекательные, но весьма утомительные «раскопки» и выйти на улицу, а именно: «Кингсфорд должен остаться президентом» (от Учителя К.Х., 8 часов 30 минут утра из Мадраса 8 декабря 1883 года в Лондон Синнетту), и адрес: 34 Ройал Кресент, Ноттинг Хилл, Лондон. Поездка на метро заняла 20 минут и еще 5 минут пешком. Ноттинг Хилл — приятный, достаточно зеленый район на западной окраине Лондона. Вот и четырехэтажный дом на полукруглой улице, лицом к небольшому парку. Вот и дверь и отверстие, куда сто с лишним лет назад почтальон опускал послания от Махатм. Конечно, я не решился говорить об этом с нынешними жильцами; единственное, о чем я спросил мужчину, стоявшего на балконе: «Как стар этот дом?». «С 1867 года»,— был ответ. Все в порядке — я сделал фото и поспешил в местную библиотеку, так как только там можно узнать, кто и когда жил по конкретному адресу.

В отделе краеведения меня ожидали сюрпризы: Синнетт по этому адресу не числился! Зато в справочнике 1884 года он записан, но совсем по другой улице, правда недалеко. Пришлось просмотреть все книги вплоть до 1921 года (он скончался 14 июня). Результаты меня потрясли: каждые два-три года этот человек, вице-президент Теософского общества, переезжал на новое место, и, что интересно, эти квартиры, если нанести их на карту, находились в северо-западном секторе Лондона. Можно было провести и более детальный поиск: по переписным листам на начало каждого десятилетия можно установить, кто проживал в данном помещении на момент учета, в каких родственных отношениях они были и тому подобное. Единственное ограничение для любопытных вроде меня: эти архивы открываются лишь спустя сто лет. Так что установить точно, где и с кем провел последние годы жизни Синнетт, мы сможем только через 28 лет. Грустно? Но таков закон.

Правда, я на этом не успокоился, а отправился в Лондонское отделение Теософского общества. Прекрасная библиотека, лекционный зал, гостиная с кухней, книжная лавка, спокойная, доброжелательная атмосфера. Но: «Что-то подробное о Синнетте? Где он жил? Мог ли он встречаться с Рерихами? — Нет, такого материала у нас нет. Мы не историки, мы смотрим в будущее. А Рерих вообще для Теософского движения несущественен!»

Вовремя вспомнив, что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», я не стал дискутировать, а спокойно взял программу работы общества, спустился в фойе и очень обрадовался, увидев на доске объявлений плакат с гималайским пейзажем Николая Константиновича и приглашение участвовать в воскресной конференции «Теософия и искусство», где в первом же пункте выделялось имя: Рерих.

Об этом и многом другом — в следующий раз.

Кирилл Новосельский, Лондон,
14 июля 1993 год

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Новосибирск 24 апреля 1994 года

Правление Сибирского Рериховского Общества (СибРО) извещает о прекращении сотрудничества с бывшим членом Правления Н.П.Баныкиным.

Отход Н.П.Баныкина от сотрудничества с Обществом начался значительно раньше. Первым его шагом был выход из состава Правления, затем, несмотря на неоднократные просьбы со стороны правления подолжать совместную работу, он последовательно отказался от работы в редколлегии газеты СибРО «Перед Восходом», от участия в проведении «Круглых столов» и семинара в Академгородке, что ставило общество в затруднительное положение.

Тем не менее, Правление СибРО до недавних пор искало пути сотрудничества с Николаем Павловичем. Но оно стало невозможно в связи с его резко изменившейся в последнее время позицией в отношении деятельности Сибирского Рериховского Общества (г.Новосибирск) и Международного Центра Рерихов (г.Москва), а также в многократных оскорбительных выпадах в адрес членов Правления СибРО, в том числе его почетного председателя Н.Д.Спириной.

В связи с этим Правление СибРО заявляет, что с данного момента вся деятельность Н.П.Баныкина не имеет никакого отношения к Сибирскому Рериховскому Обществу и Общество за нее ответственности не несет. Н.П.Баныкин также освобожден от порученной ему Правлением кураторской работы в филиалах Сибирского Рериховского Общества.

Правление Сибирского
Рериховского Общества

О книгах Н.П.Баныкина

В связи с ситуацией, изложенной в информационном письме, встает вопрос о книгах Н.П.Баныкина, распространяемых Сибирским Рериховским Обществом.

Книги «Семь лекций о Живой Этике», «Пути Света и тьмы», «Детям о Космосе. Земле и человеке», «Советы начинающему наставнику» написаны Н.П.Баныкиным в тесном сотрудничестве с Н.Д.Спириной, другими членами Общества. Их мы считаем нужными и полезными и намерены продолжать распространение этих книг.

Но последняя книга Н.П.Баныкина «О любви» с подзаголовком «Детям о Живой Этике», написанная самостоятельно и изданная втайне от Н.Д.Спириной и других членов Общества, наряду с некоторыми положительными разделами, в главной ее части не только не согласуется с Живой Этикой, но прямо противоречит ей.

Правление Сибирского Рериховского Общества считает, что распространение этой книги без ее переработки нанесет вред детскому сознанию и даст искаженное представление о положениях Живой Этики по этому вопросу.

Правление Сибирского
Рериховского Общества

Цветы духа

Наталия Спирина

* * *

Не бойся тягот и трудов –
Они снимают с глаз покров,
Они накапливают силу,
Что нас бескрылых окрылила.
И ноши непомерный груз
Освободит от плотных уз.

* * *

Не оскверни свои уста
Ни осуждением, ни ложью,
Иначе будет невозможно
Святое слово «Красота».
И устремись, чтоб твой язык
Лишь к чистоте речей привык.

* * *

Ищи кратчайшего пути!
Кривые линии узоров
Препятствуют тебе найти
Единый ключ от всех затворов.
Он в простоте и прямоте
Движенья к избранной мечте,
Лукавства скинув все оковы.

* * *

«Явите дерзания».
Агни Йога, 49.

Как хорошо, что будущее в нас –
В дерзаньях наших,
в представленьях наших.
Пока огонь стремлений не угас,
Бессмертием мы наполняем чашу –
И мы растем.
И сами кузнецы
Мы счастья своего,
судьбы своей творцы;
И выбор роковой
лежит во власти нашей.

Словарь Живой Этики

АКВАРИУС

Зодиакальное созвездие Водолей.

АЛЛИЛУЙЯ

"(др.евр. — "хвалите господа") — в христианском богослужении припев церковного песнопения, обращенный ко всем ипостасям божественной троицы.

В иудаизме Аллилуйя — возглас, прославляющий бога".

(Атеистический словарь)

АЛЬБЕРИХ

Нибелунг (порождение тумана, от нем. nebel — туман), злобный и коварный карлик в оперной тетралогии Вагнера "Кольцо Нибелунга".

"Альберихи — приспешники тьмы. Темная сила в "Кольце Нибелунга" олицетворена в Альберихе, противнике светлых богов Валгаллы, который похитил Золото Рейна и способствовал убийству Зигфрида".

(Письма Е.И. Рерих. т.2, с.192)

АМИНЬ

"(греч. и лат. amen, от др.-евр. "Да будет истинно, верно") — слово, которым завершаются христианские молитвы, проповеди, священные тексты (евангелия, послания и др.)"

(Атеистический словарь)

"Amen или Аминь есть тот же измененный "Аум".

(А.И. Клизовский, т.3,)

"Во многих странах, когда люди хотят подтвердить непоколебимо, они торжественно произносят слово Amen, или Аминь. Явление многих слов можно установить в древних источниках. Когда посмотрим значение слова Amen по-гречески, по-еврейски, по-египетски и по-сумерийски, то через многие ступени придем к тому же утверждению троичного символа".

(АУМ, 255)

АНТАРЕС

"Звезда. Сердце Скорпиона — ярко-красная звезда 1-ой величины в созвездии Скорпиона, отчего и получила свое название; Антарес значит "против Марса", т.е. Марс тоже красного цвета".

(Словарь Брокгауза и Ефрона)

АПОСТАТ

"(греч.), т.е. отщепенец — так называли, преимущественно, веро-отступников",

(Словарь Брокгауза и Ефрона)

АРГАЛ

"(монг.) — сухой помет скота; применяется как топливо в безлесных местностях Азии.

(Словарь иностранных слов)

Издательство «АЛГИМ» предлагает для приобретения книги:
1. Письма Елены Рерих, III том.
2. Н.К.Рерих. «Нерушимое».
3. «Знамя Преподобного Сергия Радонежского»
4. «Община».
5. «Письма Махатм», репринтное издание, Рига, 2-е дополненное.
6. «Грани Агни Йоги». 1961, 62, 63 гг. Записи Б.Н.Абрамова.
7. Разоблачённая Изида, I и II тома.

Почтовый адрес: 630132, Новосибирск-132, а/я 68. Контактный телефон: 20-21-66.

Знамя Мира — Знамя Света

(продолжение со с.1)

к 1 апреля 1968 года их стало 59, в том числе и Советский Союз. В 1994 году, исполняется 40 лет Гаагской конференции. И необходимо вспомнить и по-новому, на новом витке сознания, осмыслить понятие Знамени Мира.

Внешне оно представляет собой белое полотнище, в центре которого изображены три круга амарантового цвета, заключенные в окружность. Этот знак имеет очень древнее происхождение. Его можно найти на камнях и священных предметах Тибета, Кавказа, Скандинавии, Византии. В России его можно увидеть в иконописи на одеяниях святых и подвижников. Несмотря на древность происхождения, он никогда не использовался как отличительный знак какой-либо народности или религии, что имеет тоже немаловажное значение.

Смысл этого символа очень глубок и лишь со временем будет осознаваться человечеством. Е.И.Рерих пишет: «Знамя Мира не есть только Знамя Мира, но именно, чем жив Мир! «То есть по сути оно воплощает те вечные, непреходящие духовные Основы, которые еще Христос назвал краеугольным камнем. И именно в кризисные, смутные времена эти краеугольные истины становятся особенно очевидными, так как именно тогда среди царящего хаоса и разрушения остро ощущается потребность в Человечности, Красоте, духовности, — то есть во всех тех вечных ценностях, которые Рерих обозначал словом Культура.

Вспомним, что он раскрывал значение этого слова как Почитание Света. А что такое Свет? Пока нам трудно это понять, но со временем, когда человечество так продвинется духовно, так усовершенствуется, что сможет видеть излучения своих мыслей и чувств, ауры предметов — носителей наслоенных на них энергий, тогда оно увидит, как сияют, переливаясь дивными оттенками самых чистых и изысканных тонов, мысли добра и блага, и как уродливы и темны излучения ненависти и злобы. Именно этот, духовный свет, свет всякой благой мысли, действия, поступка и имел в виду Рерих.

«...культ Света есть культ Сердца», говорит Живая Этика. И Николай Константинович поясняет: «Из сердечного сияния истекает лишь благо, и свет излучаемый может пресекать все изломы невежества. Ибо грех, невежество — братья мрака. Жить в духе — значит сиять и благотворить, и постигать; жить в плоти — значит затемнять и осуждать, и невежествовать... Всякий эгоизм, думание о себе, саможаление, гордыня, всякое невежество — есть престол тьмы...чем напряженнее свет, тем слабее тьма. ...Потому нужно неотложное питание сада Света. ...Надо светиться, надо рождать и усилять свет сердца... (из статьи «Держава Света»).

Так, Знамя Мира есть Знамя Культуры, Знамя Света. В Живой Этике говорится: «...великое Знамя Мира несет свои заряды Света и огненно насыщает токи вокруг Земли, как панацея против зла. ...Так Свет побеждает тьму. Так совершается прекрасная ступень. Так приходит предуказанное». (Иерархия, § 381)

Лишь на этих основах, основах Света, Культуры, человечество может объединиться, обрести истинную духовную опору и мир, потому что Свет — вне национальных, религиозных и государственных границ, это явление — общечеловеческое, вечное и потому жизнеспособное.

«Знамя Мира откроет врата к лучшему Будущему, — говорит Живая Этика. — Когда страны на пути к разрушению, то даже малодуховные должны понять, в чем заключается восхождение. Истинно, спасение в Культуре. Так Знамя Мира несет лучшее будущее».

В уже цитировавшемся письме от 14 августа 1946 года Елена Ивановна писала: «События помогут движению Культуры развиться как последнему прибежищу. Пусть никто не считает это движение не новым, оно будет порогом Нового Мира.

Итак, соберем лучшие мысли о Знамени Мира, покроем им все наши начинания. Пусть приходящие привыкают видеть Знамя Мира и помнят те великие основы, которые оно возглавляет. Великое никогда не входило в мир при фанфарах и ликованиях, но всегда в трудах, страданиях и при осмеянии невежеством, но мы доживем и до признания и утверждения Культуры во главе Нового Строительства. Сознание масс поднимется на новую ступень и поймет, что страны не могут жить и развиваться, утратив понимание истинной Культуры. Нельзя продолжать воспитывать новые поколения на суррогатах культуры. И всякий суррогат есть ложь, но лживые основы не могут уявиться прочными устоями, и потому разрушение и самоистребление неминуемо».

Там же Елена Ивановна приводит параграф из Учения: «Пора понять, что разворачивается Знамя Мира, величайшее в истории. Никогда Знамя Мира не выявлялось, как знак Нового Мира. Пусть поймут люди Знак Спасения. Твердь трепещет. Токи раскалены! Знамя Мира, Знамя Наше, как маяк в бурю. И посев Культуры как противоядие!»

Идет суровая битва Света и тьмы. Когда идет битва, то Знамя всегда впереди. Если падает один знаменосец, на смену спешит другой, и несет Знамя до победы.

Н.Е.Гребенникова.

Адрес для писем: 630090, Новосибирск, Цветной проезд, 23-18, Тел.23-33-63. Тир.10000. Тип.«Советская Сибирь». Гл.редактор Н.Д.Спирина